

«Хагани обращается к солнцу».
Художник Октай Садыгзаде

Рафаэль ГУСЕЙНОВ,
академик НАНА

ХАГАН слова

«Хагани накануне ареста». Художник Эйюб Мамедов

В средневековой восточной поэзии, наряду с жанром одописания, широко распространенным, существовала и традиция «фахрийя» – (от слова «фахр» – «гордость»), то есть, жанр поэтического самовосхваления – самопредставления. Эта форма являлась каноном тогдашней литературной жизни и не воспринималась как самоупоение или нарциссизм, выходящий за рамки скромности. Это было своего рода модой, словесным состязанием – соперничеством искушенных мастеров пера и не считалось самопрославлением. В свете сказанного надо воспринимать и стихи – фахрийя великого Хагани, которые на современный неискушенный взгляд могут производить впечатление бахвальства, не имеющего аналогов в нашей поэзии. Но **Хагани Ширвани, с его уникальностью таланта, не был похож ни на кого другого и в самовосхвалении.** О чем бы он ни писал, в конце концов, свои поэтические медитации и исповеди Хагани завершал хотя бы одной нотой, аккордом положительной автохарактеристики.

Хагани, дерзающий смотреть свысока, оспаривающий славу столь знаменитых предтеч, не говоря о многих менее известных служителях муз, был преисполнен решимости и веры в покорение недостижимых до него вершин.

*Идет впереди поэтических толп Хагани
Так пена венчает стихийные волны, взгляны.*

Несомненно, Хагани был титаном, корифеем слова, и в его дерзких декларациях была истина таланта. Но есть и старая печальная истина, что у опережающих время светил, ослепляющих ярким сиянием, превосходящих современников – творцов, находятся завистники и злопыхатели. Хагани не был исключением.

Хагани волею судьбы и божьего дара на голову превосходил иных современных стихотворцев. Но тучи ненастья неизменно нависали над ним.

В 1126 году, когда он родился, начинался грандиозный век азербайджанской поэзии. Пока у нас не было Низами Гянджеви.

И родившийся в Шемахе будущий гений, сын плотника Али Османоглу Афзаладдин-Ибрагим еще не прославился под именем-псевдонимом Хагани. Али Наджар («наджар» – «плотник») нарек сына именем деда – Ибрагимом, видел будущность чада на преемственном поприще ремесленника – столяра, плотника. Или мог бы представлять сына прядильщиком хлопка-сырца – «джулахом».

Но этот род имел в прошлом и ученых представителей, Ибрагим мог пойти и по их стопам. Стать ученым-медиком, как его дядя по отцу Кафияддин, или двоюродный брат Вахиаддин. Однако избрал он поприще поэта. И стал также «джулахом» – прядильщиком, ткачом. Только ткал не парчу, как его дед.

*Парчу умно срабатывал мой дед.
Я тку слова неспешно, как поэт.
В ночное небо устремлю глаза, -
Предстанут полем хлопка небеса.
Из пряжи той я нить пряду свою,
Душа моя - цех слова, говорю.
И муза вдохновенна, в свой срок
Рядит она основу и уток.
Я тку слова поныне, искони,
Я ткач и стихотворец Хагани.*

Он мог стать и плотником-наджаром, как отец. Чеканил, строгал, оттачивал стихи. От отца достался ему зоркий глаз, мастерский глазомер, безосшибочное чувство соразмерности.

*Отец наджаром был. Учтя его уроки,
Строгать горазд изысканные строки.
Из-под рубанка выющая стружка –
Начертанные веком завитушки.
Но неучам неведомы они,
Чеканка слов свершилась с Хагани...*

«Хаганы на берегу реки Араз».
Художник Наджакули Исмаилов

В его существе, в биологической памяти, в крови жил генетический след от материнского искусства творить вкусные яства. Мать его, Рабийя, была мастерица в готовке пищи. От генетики не уйдешь – Хаганы унаследовал и этот материнский дар. Изобрел своего рода изысканные, неведомые литературные «блюда».

*Дочь повара была родная мать,
Ее готовка – просто благодать.
Сама, на вид – как статная чинара,
В крови моей – теплинка ее дара.
В уме моем словами зреют чувства,
Удовлетворяя все пиры искусства.
Любуясь слов плывущим караваном,
Вспомнят плов, приправленный шафраном.
Закатит муза щедрое застолье,
Вкусит участник с радостью хлеб-соли,
И чтоб украсить бытия пиры,
Придумал я новейшие дары.*

Еще одна животворная энергия его искусства – целебная. Он утешал боль, он врачевал словом, дарил надежду, накладывал бальзам на раны душевные.

*Как дядя, пользоваться людей хочу я.
Поэзией и словом их врачую,
Слова мои разительней чумы,
Боятся их ослепшие умы,*

*Страдающим в горячечном бреду,
Я тотчас исцеление найду,
Мню, в тайну посвятил меня пророк,
И из внушений я извлек урок,
Вкушает сладость слов моих Ширван,
Клокочет в жилах кровь, словно вулкан.*

Ибрагим подписывал свои пробы пера именем «Хагаиги». Позже – псевдонимом «Афзал». Напоследок – «Хаганы», хотя и раньше эпизодически употреблял псевдоним «Хагаиги».

«Хаганы» – его окончательный выбор. Чем он объясняется? Не тем ли, что он слагал несметные касиды-оды в честь хаганов-властителей, проведя большую часть жизни под сенью пышных дворцов? Или вкладывал в это слово иной смысл. Как «Хаган державы слова»? Зная точный ответ на этот вопрос покинул мир в 1199 году. Но ответ могут подсказать и слова из его поэтических признаний. Каждый может истолковать эти намеки на свой лад.

Есть отраженное в ряде старинных антологий сообщение, которое выглядит не более, чем сказочное предание. Якобы великий уstad Абуль Ула Гянджеви при аудиенции у ширваншаха представил правителю своего воспитанника Афзаладдина как «Хаганы».

«Хаганы перед руинами Медаина».
Художник Таги Тагиев

А рукописи свидетельствуют о том, что еще до встречи с Абуль Ула, еще в отроческие годы часть своих проб пера, по словам самого поэта, он подписывал именем «Хагани».

Наследие Хагани – образец пленительной красоты поэтического совершенства, а его жизнь, полная драматических превратностей – побуждает к печальным раздумьям о судьбе великого мастера слова.

Ему не было и двадцати лет, когда он оказался при дворе ширваншахов, где влиятельнейшим фаворитом из служителей муз являлся Абуль Ула Гянджеви. Устад, посвящавший молодых стихотворцев в тайны поэтического искусства, делился с ними и знаниями в области чиновничьих козней, царедворческих подвохов. И, как это ни печально, использовал этот придворный опыт в отношении талантливых и успешных молодых поэтов, которые могли бы поколебать его престиж в глазах венценосных покровителей.

В частности, такого соперника он увидел в Хагани. Оставив в стороне домыслы и фантазии ряда антологистов, авторов тезкире, достаточно обратить внимание на поэтические сетования Хагани на своего устада. Но удары за время его придворного служения следовали не только от Абуль Ула. На протяжении всей жизни ему продолжали строить козни завистники. Хагани, в 1146 году явившийся во дворец к ширваншаху Манучехру, удастся вскоре утвердиться в рядах придворной элиты.

Благосклонность Манучехра – «хагани-акпера» («великого хагана») проявлялась, в частности, в том, что **венценосец на пиршествах наливал в чашу вино и подавал поэту** (вместо прислуги и виночерпия). Сообщил об этой подробности хроникеры, можно было бы усомниться в достоверности этого факта. Но о нем сообщает сам Хагани в своем «Диване».

Манучехр был столь очарован молодым поэтом, что подчеркивал свою симпатию исключительным почтением. Он же назначил поэту баснословное ежегодное жалованье – 30 тысяч дирхемов, пожаловал титул «эмира», приблизил поэта в качестве советника – «дебира».

Более того, **шах вверял поэту вести политические переговоры от своего имени в ряде зарубежных миссий. Еще одно свидетельство государственной привилегии поэту – шах усадил его на место, которое значило выше позиции «дастур-визиря», перелагая на современник статус, выше главы правительства.** Манучехр видел в Хагани не просто придворного одописца и просвещенного советника. На официальных приемах поэт занимал одно из золоченых кресел, предназначенных государственным лицам.

Словом, Хагани в зените своей славы и благоденствия. Талант в расцвете, щедротам и заботам венценосца нет конца... Августейшие милости умножали ряды завистников поэта, спланивали их злобные ряды.

В 1151 году его постигает первое большое горе. Умирает его любимый дядя по отцу – Кафияддин ибн Осман. То, что столь знаменитый поэт и ученый того времени Рашидаддин Ветват отзывается на утрату письмом соболезнования из Хорезма в Ширван, говорит о славе ушедшего из жизни Кафияддина, простиравшемся далеко за пределы Ширвана. Но это печальное событие сыграло и благую роль, - оно **содействовало началу общения и сближения между Ветватом и Хагани**, возвело духовные мосты между выдающимися людьми эпохи.

Кафияддин был не просто родичем поэта, но и духовным наставником и заступником.

Памятник Хагани в
«парке Хагани» в Тебризе

Благодаря авторитету дяди вокруг Хагани сошлись дороги замечательных людей. Пока дядя был жив, ему удавалось оберегать любимого племянника от всех невзгод, подвохов, обезвреживать всяческие козни. Дядя ушел. И Хагани остался без опоры-аксакала, без мудрого вожака, лицом к лицу с суровыми испытаниями на тернистой дороге жизни.

*Он другом был, и был мне вожаком,
Учителем на всем пути моем,
Меня возведши на вершину знания,
В его гнезде достиг я возмужанья.
Он посвятил меня в законы языка,
И поправлял огрех наверняка,
В науку звезд меня он посвятил,
И я постиг движение светил,
Он был мне как радетельный учитель,
Устад великий, столп и вдохновитель,
Ценитель чуткий всех моих поэм,
И звал меня он «Хассани-аджем»,
Мой дар лелеял незабвенный друг,
Ушел, спокойно испустив свой дух.
Когда меня покинул мой вожак,
Отбоя нет от вражеских атак.*

В 1152 году Хагани отправляется в большое странствие - по арабскому Ираку и по Ираку персидскому. **Плод этого странствия – поэма «Дары двух Ираков» («Тохфатул –Ирагейн»).** Это путешествие сводит его с добрым и чутким старым человеком – Джалаледдином Даргезином, столь же мудрым наставником, как его покойный и любимый дядя Кафияддин. Он странствовал с заветным желанием – устроиться на службу во дворец султана, добиться определенной, мало-мальски сносной должности.

Можно предположить, что к этому времени у поэта с ширванским правителем Манучехром произошло охлаждение в отношениях, и он искал другого пристанища.

«Большой хадже» - как он именовал старого многоопытного Джалаледдина, разглядел талант ширванского знакомого, но уловил и черты характера, могущие ему повредить – гордыню, вспыльчивость, нетерпимость.

И старик пытается призвать к благоразумию молодого друга.

*Не кичись собою, в грудь себя бия,
Краток будь в реченьях, время не губя,
Кто себя возносит, неуч, Хагани.
Никогда всезнайкой ты себя не мни.
Не тянись рукою к кладези любой,
Спящего дракона не буди, родной,*

«Хагани у постели больного поэта Бейлагани».
Художник Марал Рахманзаде

*Если хочешь выжить, числиться в живых,
Запасись терпением, придержи язык.
Возвращайся, друг мой, ты в родимый край
На чужбине зряшно время не теряй.
Зелен ты пока что, искушенным будь,
Вот тогда к Ираку и направишь путь.*

Хагани возвращается в Ширван. Джалаледдин советовал ему не только быть сдержаннее в речах, но и серьезно заняться самообразованием: читать, учиться, усовершенствовать знания в арабском языке.

Да, он жадно и прилежно читал, **расширял свой кругозор, но из уст его и с пера срывались рискованные слова. Вопреки пословичной мудрости, «сидя на корабле, он вздорит с кормчим».** В стихах его звучат протестные ноты, ропот, бунтарские призывы. Теперь нетрудно было бдительным недоброхотам уцепиться за предлоги, раздуть их и преподнести правителю, в самом невыгодном для Хагани свете. Имя Хагани уже становилось притчей во языцех. Очернители добиваются своей цели. В 1157 году Хагани заковычивают в цепи.

Хагани писал о том, что еще до заточения он ощущал себя в темнице, чувствовал слежку и постоянный надзор. Он образно живописал это неусыпное соглядатайство – *«каждый волос на теле моем – соглядатай»*. Перед заточением урезали и его средства на пропитание – уклонились от выплаты жалованья.

Черная клика во главе, увы, с титулованным Абуль Ула убедили правителя в достоверности обвинения о том, что Хагани – перебежчик, пытается покинуть родину и приютиться в чужих августейших дворцах, вдобавок, он сбился с праведного пути, отрешился от шариата. Репутация была запятнана злословием. Доверие Манучехра к нему пошатнулось.

Хагани то явно прозрачно, то намеками, бичевал неприглядные стороны дворцовой жизни. Некоторое время Хагани пытается отдалиться от Ширвана, по его словам, «омута зла», найти душевное успокоение в недолгих выездах. В 1159 году он посещает Гянджу. Из Гянджи он вернется с горьким осадком на душе от четырехмесячного лежания в постели из-за болезни, смягченным теплыми воспоминаниями о встречах с именитыми людьми науки и поэтами, о которых знал понаслышке. Ему было 33 года, но ширванское заточение все же сказалось на его молодом организме.

В Гяндже Хагани впервые встретился с восемнадцатилетним Низами Гянджеви. И в эти дни он получает письмо из Ширвана, от правителя. Манучехр к тому времени потерял двух прославленных царедворцев-поэтов – Абуль Ула и Фелеки покинули бренный мир. И Хагани был не в лучшем состоянии. Ширваншах приглашал его в Шемаху, на службу.

Поэт испытывал противоречивые, контрастные чувства. В приглашении сквозило желание венценосца увидеть поэта при себе. И еще привычный повелительный тон, при всем комплиментарном антураже: *«Поскольку ты оперился, раскрой крыла свои и вернись в гнездо счастья. Не медли, иначе вернем тебя силою, так как в эти дни судьба и время виделись в сумбуре смутных событий, твое пребывание здесь для нас нужнее, чем соль для пищи. Спеши! Три наших сокола, стоивших шести десятков «симургов» возлетели из лап фортуны и гнезда жизни на верхи высочайших*

небесных стен. И два перла вкупе со своей перламутровой оправой пропали из сокровищницы нашей».

«Два перла» – это Абуль Ула и Фелеки Ширвани. Теперь Манучехр опасался потерять и «третий перл».

Хагани возвращается в Шемаху. Правитель постепенно вновь вводит его в круг своих ближайших людей. Трудно было допустить потерю столь незаурядной личности, столь светлосного ума. И зоилы снова всполошились. На сей раз они пытаются внушить Манучехру подозрения о злокозненности возвращенного фаворита, используя на свой лад искушенность Хагани в изготовлении ценнейших снадобий и зелий. Вот это-то умение злословы толкуют как потенциальную угрозу покушения на жизнь шаха: *«Он хорошо знает, как приготовить яд. Помилуй, падишах, сторонись, сторонись, не приближай его к себе! Он напичкает тебя отравой! ...Примешает в пищу твою! Не застольничай с эмирами и старцами глубокими, чего доброго, в шербет твой примешают яд!»*

Но на этот раз судьба благоговорила

«Хагани Ширвани».

*Скульпторы Эльджан Исмаилов и
Ахмед Саликов*

«Хаганы в Ираке». Художник Эйюб Мамедов

Хаганы. Его ненавистники, по сути, были антагонистами и самого Манучехра. Этот клан намеревался совершить переворот, убрать около четырехсот ключевых персон Ширвана и разорить их владения. Хаганы числился в черном списке заговорщиков. Но заговор был раскрыт.

Заговорщики предстали перед судом, и Манучехр беспощадно покарал их. Заговорщики были казнены. Но еще оставалось немало антагонистов Хаганы. Они принялись выискивать в текстах его черный умысел. Теперь другая клика вытаскивала за уши намеки на государственный переворот и пыталась внушить свои подозрения правителю.

В 1163 году Манучехр скоропостижно скончался. Престол занял его сын Фиридун, позднее – Ахситан. Отношения последнего с Хаганы издавна были прохладны. Преимущество Манучехра перед Ахситаном заключается, по меньшей мере, в просвещенности усопшего монарха, ценившего слово, поэзию.

1176 год. Хаганы перебирается в Тебриз. Здесь суждено прожить ему до конца дней, в этом дорогом сердцу городе он покинет мир...

Ахситан, прознав о намерении поэта обосноваться в Тебризе, как бы спохватившись, не желает терять такое сокровище. **Правитель поспешно пишет письмо Хаганы и настойчиво призывает его вернуться в Ширван.**

Послание не возымело действия. Тогда правитель привлекает других почтенных, авторитетных ширванцев, чтобы уговорить поэта вернуться в отчие края. Хаганы вежливо отказывается. Старые душевные раны не забылись. Он уже натерпелся на родине. Не вернулся.

Ему оставалось жить 23 года, которые он проведет в Тебризе.

Здесь он обзаводится новой семьей. 8 августа 1199 года он скончался в возрасте 75 лет. И обрел вечный упокой на кладбище – пантеоне поэтов – «Магбарат уш-шура», которое находится в тебризском околотке «Сорхаб».

Многие оплакивали его. Много поминальных плачей – «агы» прозвучало. С этой поры, на протяжении десятилетий и столетий многие соотечественники и ценители воздавали дань его памяти.

Дань благодарной любви.

Но в те времена, далекие дни прощания с великим поэтом никто не огласил мысль, высказанную другим гением, высоко оценившим ушедшего собрата. Суждение, удивительное тем, из чьих уст оно прозвучало.

«Я мечтал, чтобы по окончании жизни моей мне бы прочел поминальное «марсийя» (поэтическую эпитафию – Р.Г.) Хаганы. Увы, пришлось мне произнести марсию в его память».

Это скорбное признание Низами Гянджеви.

Хаганы прожил достойную, самоотверженную, гордую жизнь, на склоне лет привел в порядок «Диван» стихов своих, переписку, «Мюншеат», проявив и в этом мужество и честность. Не отрекся ни от одной касиды, посвященной былым венценосцам, не приукрасил свою биографию. Сохранил все, как есть, как написал.

Десятилетиями многие хаганы хвалились, что Хаганы служил при них. Дескать, не служил, а прислуживал. Но это был самообман. Хаганы даже в самых пафосных дифирамбах не был угодником. Ибо **он умел искусно придавать тексту остроту**, внести в медоточивую оду «ложку дегтя».

Но он не оставался без своего «хагана» – кумира.

*Пока живу, дышу, «джанан» желанный будь,
Дороже «джана» ты; и богоданной будь.
Чего ни пожелай, то для меня фирман,
И кто я, Хаганы? Приди, о свет очей,
Царицей Хаганы ты несказанной будь!*

«Хаганы в Грузии». Художник Эльчин Асланов

Немало, наверно, было во времена Хаганы властолюбцев, грезивших о троне, власти. Они все ушли и канули в Лету. Остался Хаганы. А если и кто другой увековечил себя, то разве что в его творениях; они знали Хаганы, знали, сколь он велик, и потому стремились причаститься к его величию, приблизить к себе. Но при нем, ощущая масштаб титанической личности, они относились с ревностью к его яркому свечению. И при формальном иерархическом превосходстве они чувствовали в нем непокорство духа, необоримость гордого человека. И каждый разумный из этих тщеславных властителей не мог не ревновать к нему, ту, которую он избрал царицей души своей, абсолютной властительницей. Не мог не завидовать гению. Ведь власть трона и власть слова – разные вещи. 🌟

В статье представлены фотографии картин и бюста из коллекции Национального музея литературы Азербайджана.

The article is dedicated to the life and activities of the great Azerbaijani poet Khagani Shirvani. The author reveals the origins of the formation of his worldview and traces his path from his first literary endeavors to recognition at the court of the Shirvanshahs. It is emphasized that spiritual independence, fidelity to his own convictions, and exceptional artistic mastery made Khagani one of the key figures of Azerbaijani classical medieval literature.